

ЗАКРОМА НА ЗИМУ И... НА ЗДОРОВЬЕ

Виктор ОЛЬХОВОЙ,
первый заместитель
руководителя Департамента
продовольственных ресурсов
г. Москвы

Народная мудрость гласит: цыплят по осени считают. И сегодня самое время отчитаться перед москвичами, как продовольственный комплекс подготовил город к зимовке, что и почему будет есть москвичи. От имени Департамента продовольственных ресурсов хочу отразиться, что в столичные карточки, овощей, другой сельхозпродукции, чтобы в полной мере обеспечить потребности мегаполиса. Не стану документировать цифрами, но с полной ответственностью заверяю, что в наших хранилищах хватит и зерна, и картофеля, и

овощей, а также мяса, масла, рыбы... Кроме того, у правительства Москвы есть необходимый финансовый резервный фонд для закупки в случае необходимости дополнительной сельхозпродукции. Так что перебоев с поставкой продуктов питания в зимнее время не будет.

Их качество при закладке на хранение в полном объеме проверяли соответствующие инспекции - оно соответствует нормам и стандартам. Но предвижу вопросы: отчего же при полных закромах цены на картошку, овощи и даже на хлеб продолжают расти и есть ли у столичного правительства хоть

какой-то механизм их сдерживания?

Начну с хлеба. В ближайшем полугода нет никаких объективных предпосылок для ощутимого роста цен на хлеб в булочных города. У нас заготовлено 300 тысяч тонн зерна, что способно их стабилизировать. Но хлеб подорожать может - в том случае, если поднимутся тарифы на электроэнергию и железнодорожные перевозки. В этом случае ни аграриям, ни хлебопекам нельзя ставить это в вину. Примерно такое же положение со стоимостью картофеля и овощей в оптовой торговле.

Сложнее с мясом. Хотя зависимость Москвы от импортных поставок с каждым годом снижается, но пока остается достаточно высокой, составляя 65 процентов. В такой ситуации какие-нибудь заболевания скота и птицы в странах-поставщиках сразу же перекрывают путь мясу оттуда в Россию, в том числе в Москву. И значит, цены на мяс-

ную продукцию могут возрасти. Горожане недавно ощутили это, когда в Бразилии разразился ящур, и наши ветеринарные таможенные службы, работающие, кстати сказать, профессионально и оперативно, наложили вето на ввоз бразильского мяса в страну.

Правительство Москвы в последние годы принимает меры по снижению продовольственной зависимости от зарубежных стран. Из бывшего закупщика сельхозпродукции город все больше становится ее производителем. Уже 18 крупнейших наших предприятий, входящих в комплекс продовольственных ресурсов, создали в различных регионах России свои крупные агрохолдинги по производству зерна, животноводческой и овощной продукции. Они поставляют москвичам не перемороженное, а охлажденное мясо и качественные овощи. В Москве создана сеть распределительных центров этой продукции, в

районе МКАД изыскано 145 гектаров земли для создания складских помещений с современным оборудованием, что в перспективе качественно улучшит цепочку доставки сельхозпродукции и продвижения ее от производителей до потребителей без посредников, а значит, и накрутки цен.

Все это прямо сопряжено с главной проблемой - продовольственной безопасностью Москвы. На федеральном уровне пока не обсуждается всерьез даже само понятие продовольственной безопасности, не говоря уж об отсутствии закона РФ на сей счет. А вот 42 страны Африканского континента такой совместный закон недавно приняли.

Наш Департамент продовольственных ресурсов ведет разработку концепции продовольственной безопасности, которая впоследствии должна обрести форму закона города. Мы исходим из того, что нельзя сводить

продовольственную безопасность лишь к наличию необходимого количества и качества продуктов питания. В ее основе должна лежать медицинская норма потребления, которая, по подсчетам специалистов, может составлять около 90 килограммов мяса, 360 литров молока, 20 килограммов рыбы в год на человека. Сегодня значительная часть москвичей по уровню жизни не могут даже приблизиться к этой норме. В своей концепции мы ставим задачу обеспечить не только доступность продуктов питания для всех москвичей, но и финансовое обеспечение этой самой медицинской нормы. Проблема архисложная, но нужно искать подступы к ее решению, потому что речь идет о самом главном - здоровье москвичей, о здоровом социальном облике столицы, ее дальнейшем развитии. Скоро концепцию продовольственной безопасности города мы внесем на рассмотрение правительства Москвы.

В течение 3 лет - с 2002 по 2005 год - в Международной организации труда (МОТ), точнее, в ее московском отделении, проводились исследования, посвященные проблеме бедности в России вообще и конкретно в нашем столичном регионе. Недавно результаты этого исследования опубликованы.

Их главный вывод, наверное, ошеломляющий для европейцев. А для нас, в общем-то, в нем чего бы то ни было удивительного мало. Этот вывод: в нашей стране появилась совершенно новая категория бедных - работающие бедные.

«Специфическая особенность бедности в России», - отмечает МОТ, - состоит в том, что, по официальной российской статистике, более 50 процентов бедных - трудоспособные люди, в том числе 42 процента - работающие по найму. Доля последних медленно, но неуклонно растет. Значит, эти люди востребованы экономикой - их руки, знания, квалификация. Однако статус их на рынке труда совершенно не соответствует статусу с позиции благосостояния». Следовательно, «далеко не все благополучно на российском рынке труда, - делает вывод МОТ, - если сложившиеся на нем отношения занятости и оплаты приводят к беспрецедентно высокому уровню бедности среди именно работающих».

Причиной российской бедности аналитики МОТ называют малодоходную занятость. По их мнению, ее проблему не решат только всевозможные программы адресной социальной помощи, которые сегодня разрабатываются как государственными, так и различными негосударственными организациями.

НОВЫЕ БЕДНЫЕ

Геннадий ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
кандидат исторических наук,
спецкорреспондент «МС»

Нужен комплекс мер для перехода от «политики социального обеспечения к политике трудовой деятельности».

Какие же меры имеются в виду? Прежде всего сокращение низкооплачиваемой занятости и «маргинальных» рабочих мест. И соответственно, увеличение числа мест высокооплачиваемых и защищенных. В этом случае размер заработной платы будет главной гарантией против бедности. Между прочим, если этого не сделать, то со временем страна неминуемо окажется в «ловушке новой бедности», когда из-за дешевизны рабочей силы будет невыгодно переходить на инновационный уровень развития производства.

Случайно или нет, этой же теме - соотношение труда и зарплаты - в нынешнем году посвятил целый ряд своих публичных выступлений академик, руководитель отделения экономики РАН Дмитрий Львов. В отличие от зарубежных исследователей, старающихся быть максимально корректными и ограничивающимися лишь констатацией

фактов да некоторыми рекомендациями, Дмитрий Семенович говорит с соотечественниками без обиняков. Диспропорцию между низкой заработной платой и производительностью труда он называет главным сдерживающим фактором развития России.

Академик разбивает едва ли не главный тезис наших «либералов» о том, что «русские мало получают, потому что плохо работают». «Да, по производительности труда Россия в самом деле отстает от ведущих стран - в 4,5 - 6 раз, - говорит Дмитрий Львов. - Однако наше отставание по зарплате несопоставимо больше - в 15 - 20 раз. Такой невиданной эксплуатации не знала и не знает ни одна рыночная экономика мира».

Он напоминает, что по нормам ООН, минимальная зарплата должна составлять 3 доллара в час - 600 долларов в месяц. Ибо доказано: зарплата ниже 600 долларов просто-напросто ведет к деградации трудового потенциала. Труд за меньшую плату, неспособный обеспечить человеку минимальных потребно-

стей нормальной жизни, не является стимулом к труду. И, к слову, уже по этой причине не выгоден даже работодателю.

Не случайно оплата труда в странах, на которые Россия сейчас «равняется», качественно отличается от оплаты труда в нашей стране. Сколько стоит труд в других странах, ответил недавно Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН: почасовая оплата труда в \$US составляет: в Турции - 2,6, в Польше - 4,3, в Мексике - 4,5, в Южной Корее - 7,2, в Японии - 12,3, в США - 16,4, в Германии - 22,7. В России - всего \$US 1,7! Зарплату безотлагательно надо поднимать хотя бы до уровня Турции с Польшей!

Иное дело, за счет чего. С TV-экранов «либералы» постоянно убеждают: это невозможно в принципе. «Первые же попытки «вбросить» в экономику больше денег, - недавно убеждал меня уже в личном разговоре министр экономики РФ в 1990-1993 годах, ныне президент Российской финансовой корпорации Андрей Нечаев, - неизбежно приведут к раскрутке маховика инфляции».

Иная - альтернативная - точка зрения в РАН, один из тезисов которой в том, чтобы «не накапливать средства в стабилизационном фонде, а вкладывать в производство». Тогда граждане будут тратить деньги на покупку отечественных товаров, а производители кредитовать друг друга, а не зарубежного фермера и промышленника.

«В связи с появлением новой категории бедных - работающих - роль государства сводится к созданию условий по обеспечению конкурентоспособности национальной экономики, осуществлению активной промышленной политики и политики занятости, направленных на повышение производительности труда как основы экономического роста», - словно в один голос с академиком РАН, заявляют специалисты МОТ. Дают, кстати, и конкретный совет: давно уже надо перейти на определение зарплаты в соответствии с принципом Европейской социальной хартии. Главные ее принципы: минимальная оплата труда должна быть «подтянута» к среднему прожиточному минимуму, банкротство предприятия нужно объявлять в случае, если его суммарная задолженность по зарплате работникам составляет более квартала и т.д.

А тем временем в России проблема низких зарплат обострилась настолько, что из социально-экономических все более «переползает» в разряд политических. Учителя провели всероссийскую акцию протеста, требуя достойное вознаграждение за труд. К тому же готовятся ученые. Кто следующий? Воспитатели детских садов, оборонщики, шахтеры, нефтяники с газовиками? Не случайно о проблеме говорит уже Президент России. В частности, например, в сентябре на президентском приеме. Молчат лишь законодательная и исполнительная ветви власти Федерации. Как ни странно, в общем-то очевидная мысль почему-то никак не доходит ни до той, ни до другой.

РУССКАЯ СЕМГА НОРВЕЖСКОГО ПОСОЛА

Валентин СИНЕЦКИЙ,
директор научного центра
Совета по изучению
производительных сил РАН,
доктор военных наук

Все, что происходит в последнее время в наших отношениях с Норвегией, вызывает чувство глубокой досады.

Дело в том, что эта «рыбная проблема» далеко не нова. Тянется она с 1920 года, когда был заключен Парижский договор,

который кроме нас подписали Соединенные Штаты, Великобритания, Дания, Франция, Италия, Япония, Норвегия, Нидерланды и Швеция. В соответствии с договором эти государства признают полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген (кстати, этот договор распространяется и на остров Медвежий). Но на условиях, предусмотренных данным договором. А в нем черным по белому написано, что суда и граждане всех государств-участников допущены к осуществлению права на рыбную лов-

лю и охоту в этих водах, в том числе - территориальных. Однако Парижским договором Норвегии не запрещено вводить меры для сохранения живых ресурсов в морских районах у Шпицбергена.

Пользуясь этим, Норвегия медленно и последовательно начиная со второй половины 1970-х годов усугубляет такие меры. Тем самым постепенно эта страна, весьма квалифицированно в юридическом плане, ведет дело к замене «неудобных» для нее положений Парижского договора более современными международными нормами о морских биоресурсах, которые, как показывает практика, не выгодны России. Так постепенно ситуация зафиксированная в Парижском договоре стало ставиться под сомнение.

В советские времена с нашими рыбаковскими траулерами норвежцы так хамски не обращались. Но тогда у нас был достаточно мощный Военно-морской флот и совершенно ясное отношение к своим национальным интересам, что сегодня мы наблюдаем далеко не всегда.

В связи со сложившейся непростой ситуацией хотел бы напомнить, что в 2001 году наш президент утвердил Морскую доктрину Российской Федерации на период до 2020 года. И в доктрине этой наши национальные интересы определены совершенно четко. В том числе - наши права по отношению к ресурсам Мирового океана. Кроме того, там отдельно выделено арктическое региональное направление национальной морской политики, где зафиксировано, что нашей долгосрочной задачей является соблюдение интересов Российской Федерации при разграничении с приарктическими государствами морских пространств и дна морей Северного Ледовитого океана.

Очевидно, в этом плане Министрство иностранных дел РФ не должно было дожидаться, пока вопрос зайдет в тупик. А, учитывая неопределенность ситуации

(об этой неопределенности все прекрасно знали), нашим дипломатам следовало предметно заниматься этой проблемой. Сейчас же эта неопределенность стала опасной, во всяком случае для наших рыбаков.

Рыбаки - народ понятный. На южном берегу Баренцева моря нечего больше делать, кроме как ловить рыбу. Там нельзя выращивать мандарины. На жизнь там можно заработать только морским промыслом. А МИД должен обеспечить соответствующие условия для того, чтобы рыбаки могли нормально работать, а не быть заложниками рыбных войн.

Правовые ножицы вокруг Шпицбергена - следствие многолетней запущенности проблемы. Тревожные тенденции здесь появились давно. Норвежцы ведь не сразу стали брать наши траулеры на аборт. Во вкус они входили постепенно. Вялая позиция наших дипломатов позволила Норвегии де-факто выхолостить суть Парижского договора!

Мы то ли стесняемся, то ли боимся применить по назначению тот же Северный флот, потенциальные возможности которого даже сейчас вызывают уважение

соседей. Мы вообще гораздо реже других стран применяем свои Вооруженные силы по прямому назначению. Я не призываю кого-то бомбить или обстреливать. Но присутствие в том или ином районе Мирового океана наших военных кораблей, как правило, отрезвляет оппонента.

В 1980-х годах наши рыбаки ловили рыбу у Западной Сахары в спорном районе. Там постоянно дежурил наш военный корабль. И никаких проблем у нас, представьте себе, не было. Однажды конкуренты попытались захватить советский траулер. Но тягаться даже с нашим траулером не решились, убравшись восвояси. Дипломаты же после этого урегулировали инцидент по своим каналам. Одно другого не исключает. Но в том-то и дело, что «другого» у нас сегодня нет...

То, что следом за «Электрон» норвежцы попытались «построить» еще два наших траулера, свидетельствует о том, что у нас по-прежнему нет «металла» в дипломатическом голосе. У острова Медвежий, где их пытались арестовать, также должен действовать Парижский договор. Но норвежцы демонстрируют, что хозяева там - исключительно они.

На мой взгляд, с российской стороны должны последовать какие-то ответные меры. Не секрет, что Норвегия пользуется нашими уловами и продает нам рыбу, выловленную нашими же моряками. Семга «норвежская», которую москвичи втридорога покупают на рынках и в магазинах, как правило, имеет российское происхождение. Просто переработали ее в Норвегии, потому и стала она такой дорогой. Нужно создавать такие экономические условия, чтобы наши рыбаки разгружались в Мурманске. И чтобы переработка была на российском Севере, а не в Норвегии. Ведь сегодня норвежские города благодаря нашей рыбе развиваются весьма интенсивно.

Но, как известно, нет худа без добра. Учитывая, что ситуация вокруг Шпицбергена снова обострилась, есть надежда, что наш МИД все-таки повернется лицом к морю. Давно пора разобраться в этом вопросе и расставить наконец точки над «i». Ведь существование наших отношений с Норвегией, в общем-то, в рыбе! Пока можно только констатировать наличие международной проблемы, которая имеет тенденцию к обострению.